

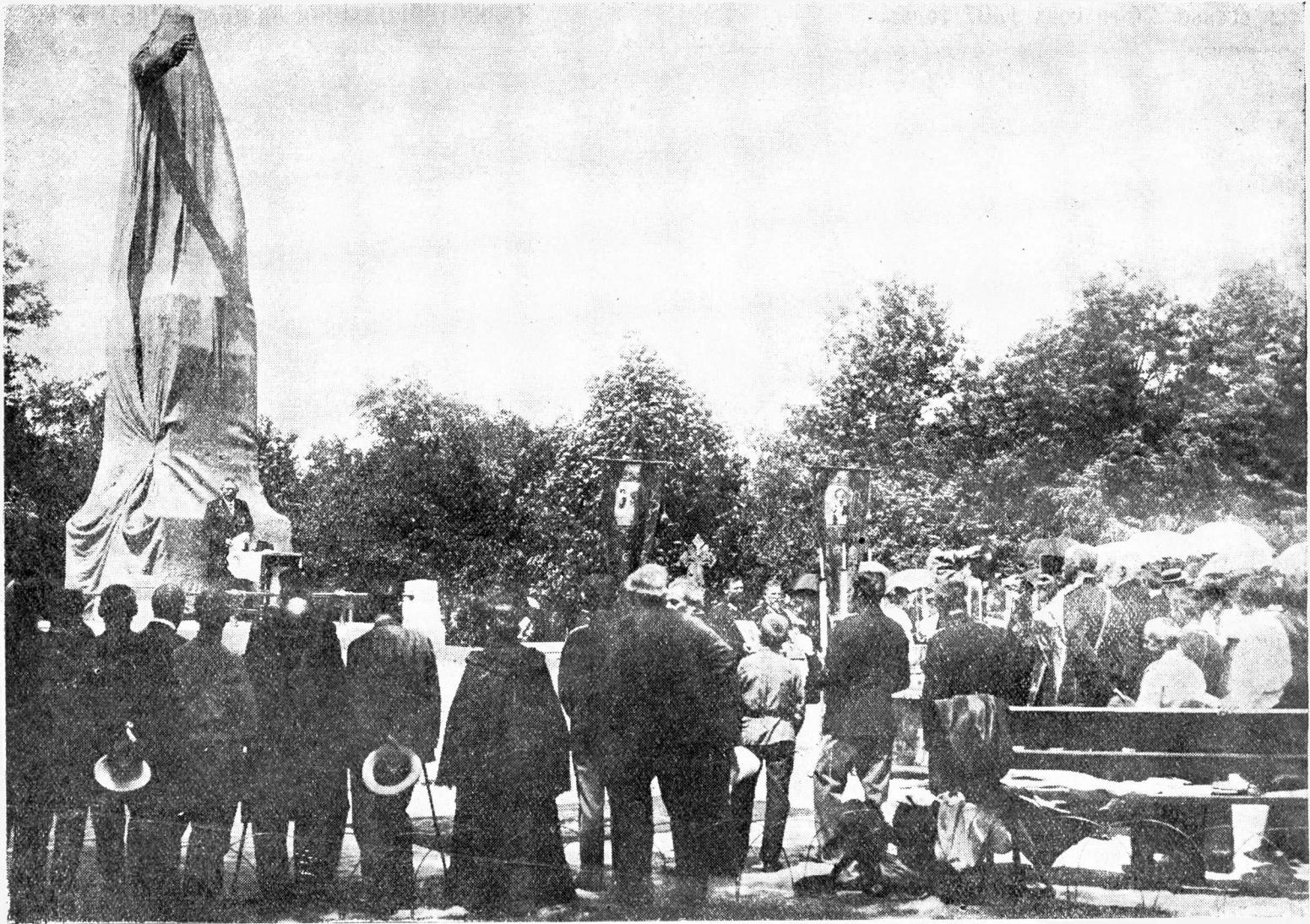
ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 24-го июня 1907 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9117

Памятникъ В. Н. Каразину, открытый 20 июня с. г.

Передъ открытием памятника В. Н. Каразину.

Ректоръ харьковскаго университета Д. И. Багалъ произноситъ рѣчъ.

Другіе виды открытия памятника будуть напечатаны въ слѣдующемъ иллюстрированномъ приложении.

МИНУТЫ.

(Carte postale).

Она поставила чашечку кофе на столикъ и покачала головой.

— „О нѣтъ, нѣтъ, я несогласна... Счастье не можетъ продолжаться мѣсяцъ, часъ, это уже будетъ удовлетвореніе, довольство, удача, назовите, какъ хотите, но только не счастье. Счастье—минута, счастье—настроение, счастье—предчувствіе, а не дѣйствительность. Вы даже можете сначала не замѣтить его, настолько легко оно теряется въ общемъ хаосѣ чувствъ, впечатлѣній, фактівъ. Вы будете взволнованы, радостны, безсознательно.—Что-то случилось хорошее.., гдѣ, когда, какъ?“ Вспомните не скоро, лишь путемъ тончайшаго самоанализа”.

— „А... въ самомъ дѣль.. было то и то“. Ощущеніе настолько кратковременно, что эгоизмъ не хочетъ назвать его „счастьемъ“. Но, между тѣмъ, это—оно”.

Ее перебили насмѣшиливо, въ одинъ голосъ, нѣсколько очень элегантныхъ дамъ.

— „Къ дѣлу, къ дѣлу, пани Элиза... довольно философіи... ваша теорія, кстати, туманна и не нова. Мы хотимъ знать, когда вы были счастливы особенно ярко и какихъ обстоятельствахъ?“

Она улыбалась, чуть-чуть сконфуженная, очаровательная въ своемъ туалетѣ цвета мауле.

— „Мое счастье покажется вамъ нелѣпымъ, mesdames... вѣдь, то была секунда... мгновеніе... есть вещи, которые на словахъ не только блѣдны, но даже пошли”.

— „Ахъ, оставьте.. вѣдь, мы же всѣ разсказывали! Неужели же вы заставите просить себя, милочка? Нѣтъ, нѣтъ... мы ждемъ“...

Тогда пани Элиза согласилась, не глядя на нихъ, внезапно ставъ серьезной.

— „Хорошо... я постараюсь... а вы избавите меня отъ комментарій. Не правда ли? И, пожалуйста, не ждите ничего особенного. Сущій пустякъ“.

Хозяйка дома воскликнула съ упрекомъ.

— „О, не надо же обижать насъ... Если мы даже и не поймемъ, то, во всякомъ случаѣ, не сдѣляемъ вамъ больно“.

— „Простите, я беру свои слова обратно. Видите, это было давно, очень давно, въ одну зимнюю, ярко-луинную ночь. Мы провожали на вокзалъ артиста П.—кумира мѣстного общества—тяжело больного; мнѣ тогда едва исполнилось 20 лѣтъ, и я любила его болѣзненно, остро, пугливо, какъ любять, обыкновенно, назарѣ. Когда до отхода поѣзда оставалось не болѣе $\frac{1}{2}$ часа, я шепнула ему свое

первое „люблю“, съ искренностью и смѣлостью ребенка.

— „О, милая!“

Онъ наклонился ко мнѣ, вспомнивъ полный участья и сожалѣнія.

Одну секунду я чувствовала на своемъ дыханье, читала въ глазахъ безупречную нѣжность, испытывала опьяняющую, головокружительную радость отъ этихъ двухъ словъ: „о, милая“. Потомъ онъ откинулся, заговорилъ о долгѣ, о неизбѣжности разочарованія, разлукѣ... Я уже не слушала. Я, повторяю, была счастлива. Мы съ нимъ не встрѣчались болѣе. Вотъ и все“.

Такъ какъ кругомъ молчали, то къ此刻 сейчасъ же вернулся обычный, насмѣшилъ тонъ.

— „Сознайтесь, mesdames, вы мнѣ не вѣрите?“

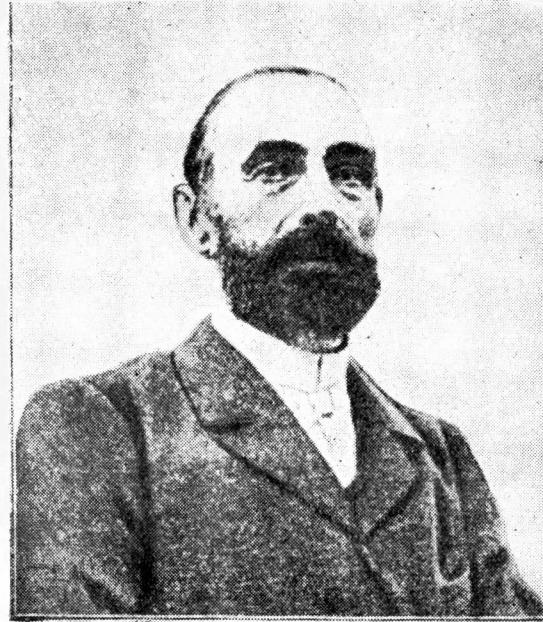
— „Я лично очень вѣрю“, неожиданно отозвалась тонкая брюнетка, съ синими глазами, вѣрю настолько, что хотѣла сказать аналогичный случай, но уже въ минутахъ горя. Я согласна съ мнѣю, пани Элизы. Какъ самое яркое счастіе такъ и самое тяжелое горе продолжается мгновенія. Вы мнѣ позволите начать?“

Ее просили горячо, нѣсколько умѣленно.

Она развелновалась, поблѣднѣла, и это шло къ ней.

Графъ П. А. Гейденъ,
бывшій членъ Государственной Думы
перваго созыва, известный обществен-
ный дѣятель, скончался 15 июня.

Марселинъ Альберъ.
Вожакъ южно-французскихъ винодѣловъ.

Въ сперіодѣ 26—27 лѣтъ я любила. О, не такъ, какъ вы, (она ласково улыбнулась блондинкѣ) а безумно, открыто, налеворъ всему и всѣмъ, съ мукой, которая равнялась сумасшествію. Мнѣ отвѣчали. Снисходительно, небрежно, какъ бы отступая необходимости. Впрочемъ, униженія казутся легкими, если потеряешь голову. Не правда ли? Ну, такъ вотъ, однажды, я пришла на свиданье раньше назначенного часа. Моросиль дождикъ. Спустились грустныя, блѣдныя сумерки, и въ кабинетѣ царилъ полумракъ. Я сняла маскую вуалетку, плащъ, усѣлась поудобнѣе около камина, и принялась ждать. Сначала я мысленно осыпала его цѣлымъ градомъ ласкателныхъ словъ, представляла себѣ нашу встрѣчу, перебирала все, что накопилось во мнѣ для него за эти дни. Потомъ, мало-по-малу, тишина, шепотъ дождевыхъ капель, сознаніе, что она сейчасъ будетъ здѣсь, убаюкали усталые нервы. Машинально, сквозь полу-прему, я оглядывалась. О, если вы любите, пойтесь оставаться одной въ его комнатѣ... какъ часто простой хаосъ на столѣ, нѣмой видъ разбросанныхъ вещей скажетъ вамъ то, что вы никогда не прочтете въ улыбкѣ, взгляде... Да, да, не смѣйтесь... Я не умѣю объяснить вамъ это яснѣе... Онъ, уходя, видимо, торопился. Небрежно брошенъ платокъ, начато письмо... наивнѣ забыта книжка съ замѣтками.

Было менѣ охватила тоска.. тупая, нетущая, жуткая... Я думала съ горечью: «одна здѣсь, непрошенная, случайная, ненужная вещь, всѣ же остальные предметы—его друзья, сообщники, помощники». Всѣ они, начиная отъ кресла и кончая країнъ, принадлежали ему давно, были созданы и куплены имъ лично.

Передъ ними онъ работалъ, читалъ, тосковалъ, любилъ, не скрываясь. Только передъ ними онъ былъ естественъ и престъ. Они сопровождали его цѣлые годы, все видѣли, все знали, все скрывали.

О эти нѣмые свидѣтели его интимной жизни!

Я ненавидѣла ихъ въ тѣ минуты безумно, пылко, какъ одушевленная существо, я чувствовала себя безсильной, жалкой передъ ними, я готова была стать на колѣни и умолять—«разскажите мнѣ о немъ... разскажите». Я рыдала, словно въ бреду, отъ ревности, горя, тоски—среди молчаливыхъ, равнодушныхъ предметовъ, кляня свое нелѣпое, ненужное чувство. Его прошлое... для меня оно было вѣчной загадкой, вѣчной тайной, вѣчной мукой... Потомъ я встала, одѣлась, ушла.

Я возвращалась къ нему еще много разъ. Назвала эту вспышку истерическими припадкомъ.

Да, конечно... но, все-таки, то были минуты горя... О, самаго острого, самаго мучительного, какое я только переживала до сихъ поръ!.

Она смолкла, силясь улыбнуться сквозь слезы.

Ее уважали и ей не захотѣли противорѣчить.

Разговоръ принялъ другое направленіе.

Анна Маръ.

Заграничная жизнь.

Живая фотографія.

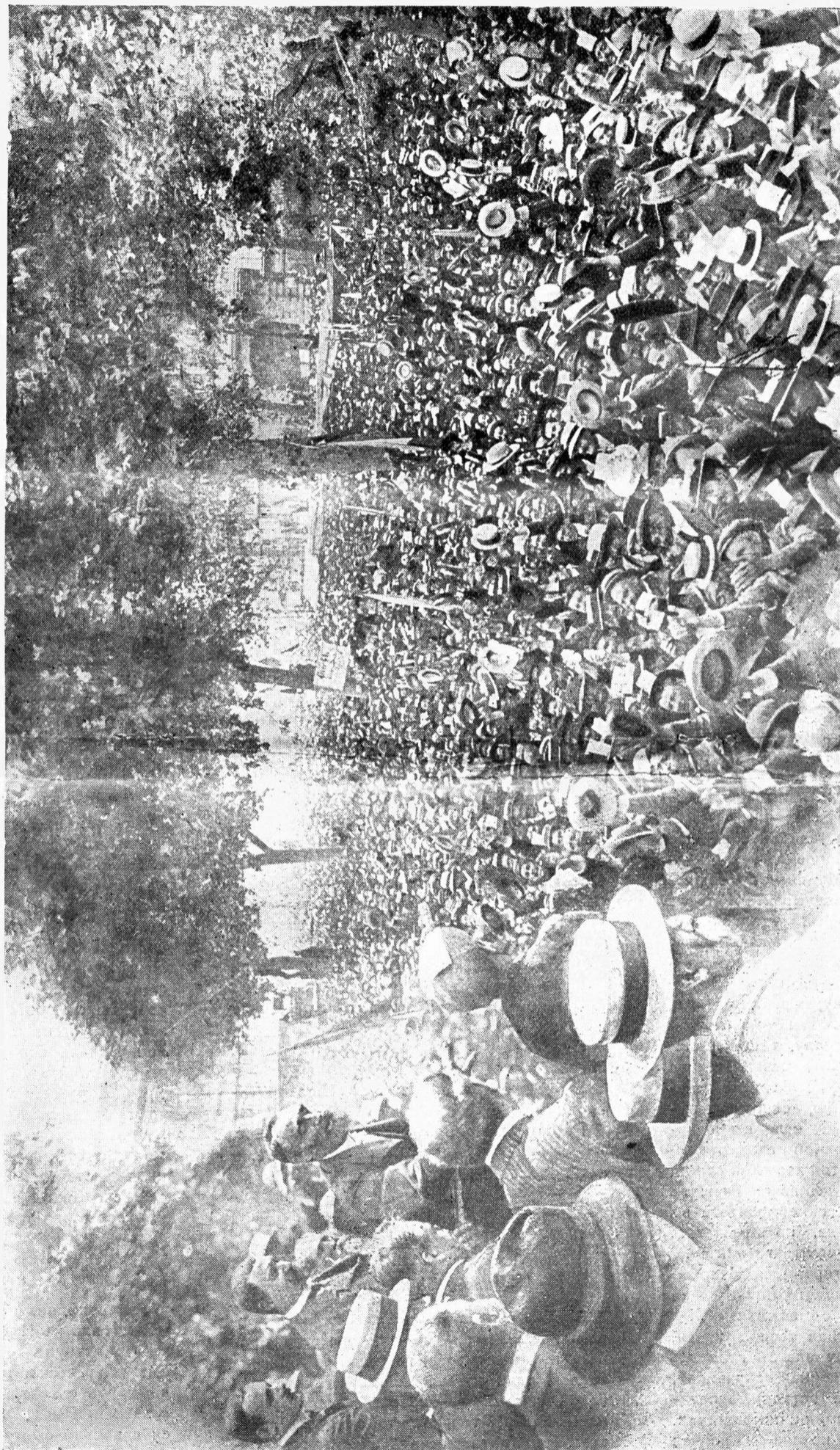
Болѣе сорока лѣтъ химики и фотографы добивались способа фотографировать цветные изображенія. Побѣдой считалось, если удавалось снять хотя одинъ какой-либо цветъ—красный, желтый или иной. Нынѣ, только что открыто средство всѣ цвета снимать и укрѣплять. Открытие сдѣлано двумя братьями фирмы Люмьера въ Ліонѣ. Способъ простой: обыкновенный рисовый крахмалъ окрашивается въ красный, зеленый и синий цвета. Затѣмъ, эти разныхъ цветовъ крахмалы тщательно смѣшиваются, тончайшимъ слоемъ насыпаются на пластинку, укрѣпляются на ней и покрываются промилемъ серебромъ.

Надо замѣтить, что величина крахмальныхъ зеренъ такъ мала, что ихъ диаметръ не превышаетъ $1/100$ миллиметра и свободно пропускаетъ свѣтъ. На одномъ квадратномъ миллиметре помѣщается до 10,000 зеренъ смѣшанного въ разные цвета крахмала. Свѣтъ, проходя черезъ окрашенные зерна, дѣлаетъ впечатлѣнія на бромистой пластинкѣ безразлично, но дѣло въ томъ, что отраженные отъ снимаемаго предмета красные лучи проходятъ только черезъ зерна, окрашенныя въ красный цветъ, зеленые только черезъ зеленые зерна, и уже впечатлѣніе глаза составляетъ всѣ дополнительные цвета. Подъ сильнымъ микроскопомъ фотографическая изображенія являются какъ бы состоящими изъ разныхъ окрашенныхъ зеренъ, но на фотографіяхъ и особенно, на экранахъ волшебныхъ фонарей получается полное подражаніе натурѣ.

Въ Парижѣ, въ Сорбоннѣ, M-r Victor Henri сдѣлалъ докладъ о способахъ фирмы Люмьера, и на экранѣ являлись расстенія, цветы, группы людей въ разноцветныхъ костюмахъ и даже микроскопические препараты бацилль и микробовъ въ ихъ естественной окраскѣ.

Две новыя кометы.

За послѣднее время открыты двѣ кометы: одна въ Ниццѣ—Якобини, а другая въ Принстоунѣ—Даніелемъ. Обѣ кометы слабыя, телескопическія. Первая была открыта въ созвѣздіи Льва, а вторая—въ созвѣздіи Рыбъ. Комета Даніеля движется довольно быстро къ сѣверу, проходя въ сутки около одного градуса. У насъ кометы не могутъ быть наблюдаемы: онѣ являются достояніемъ болѣе южныхъ странъ. Въ нынѣшнемъ году уже открыто четыре кометы; всѣ онѣ телескопическія.

Митингъ винодѣловъ въ Монпелье 9 июня, ч. с.
Послѣ пламенной рѣчи Марселя Альбера на Эспланадѣ, при взглазахъ толпы, федералисты присягаютъ.